

1963 год

1963 год отец начал, как обычно

1963 год отец начал с ответов на вопросы корреспондента английской газеты «Дейли Экспресс», выступления на Новогоднем приеме в Кремле, а далее – привычная рутина: совещания со своими, прием послов и иностранных делегаций.

2 января 1963 года в Ленинграде спустили на воду супертанкер-шестьдесятитысячник «София». В мае прошлого года отец его осматривал на стапелях.

5 января 1963 года Рудаков, он в ЦК курировал промышленность, пригласил отца, Козлова и Косыгина, таков на начало года расклад в высшей власти, посетить выставку новой техники и технологий в Госкомитете по автоматизации и машиностроению. У некоторых экспонатов отец задерживается, внимательно слушает рассказ академика Бориса Патона, директора Киевского Института имени Е. Патона о перспективах создания специализированных сварочных заводов.

Затем группа переходит к стенду тракторов и строительных машин. Там продолжается обсуждение, во что их обувать, что предпочтительнее – гусеницы или колеса? Вопрос не праздный. Гусеницы при нашем бездорожье кажутся безальтернативными, но только на первый взгляд. Через каждые две-три сотни километров они нуждаются в серьезном и дорогостоящем ремонте. Отцу показывают новые арочные шины для тракторов. Разработчики уверяют, что они не уступят гусеницам в проходимости, а по долговечности превосходят их в десятки раз. Отец высказался за колеса, но, помня, насколько весомо его слово, предупредил, что и гусеницы еще послужат, болотный трактор, при всем желании, на колеса не посадишь.

Следующий стенд вычислительных машин, больших электронных для сложных научных расчетов и относительно скромных, электромеханических, заменяющих арифмометр. Выслушав пояснения разработчиков, отец заметил, так написано в отчете о посещении выставки, что хорошо бы занять нечто среднее, специализированный вычислитель, облегчающий учет в колхозах, рассчитывающий выработку, кормовые рационы, зарплату. Разработчики обещали подумать. Почему я вспомнил об этом, казалось бы, малозначительном факте? Отец тогда попал в точку. Через много лет, читая книгу о становлении вычислительной техники в США, я натолкнулся на раздел, рассказывающий, как фирма «IBM» теперь ее название знают все, а тогда небольшая компания, производившая швейные машины, напольные часы и примитивные считалки, во время Второй мировой войны переключалась на производство несложных вычислителей-табуляторов, входивших в оснащение батальона американской армии. С помощью бумажных перфокарт они начисляли заработную плату, сводили расход материалов с наличными ресурсами и тем самым не просто облегчили жизнь, но и высвободили немало капралов и рядовых, способных к несению службы, но ранее просиживавших штаны в канцеляриях, позволили воевать эффективнее. Батальонов в США в военные годы насчитывалось не меньше, чем колхозов в Советском Союзе. За время войны IBM произвела множество табуляторов и переместилась с подножья пирамиды американского бизнеса на самую его вершину. Советских разработчиков табулятор для колхозов и совхозов не заинтересовал, о данном ими Хрущеву слове они попросту забыли.

Затем отцу показали первые образцы металлокерамики, продукта того, что сейчас называют порошковой металлургией, «спекающей» из порошка нужного состава детали любой конфигурации, не требующие дальнейшей обработки. Отец привез домой маленький беленький кубик резца для токарных станков, одного из самых массовых приспособлений в металлообработке. В год их стачивали не один миллион. Новый резец стоил в несколько раз

дешевле, а служил много дольше. Экономились десятки и сотни миллионов рублей. Отец долго таскал этот резец в кармане, с гордостью демонстрировал его гостям.

9 января отец вместе с Подгорным, первым секретарем ЦК Компартии Украины, поездом направляется в Берлин на 6-й съезд СЕПГ. По дороге они останавливаются в Бресте, отец совещается с белорусами, потом на пару дней задерживаются в Варшаве. В ГДР отец пробудет восемь дней, с 14 по 22 января.

На заседаниях съезда он сидел не более положенного приличиями, остальное время разъезжал по химическим заводам. Я писал в начале книги, как после войны отца поразили немецкие «эрзацы», продукты химического синтеза. В СССР строились новые заводы, и у нас «эрзацы» вытесняли из жизни сталь, дерево, хлопок, лен и другие дорогостоящие натуральные продукты. Внедрение «химии» проходило со скрипом, и он решил посмотреть, чего же за послевоенные двадцать лет достигли восточные немцы? Оказалось, многого, но западные немцы добились еще большего. За лицензиями на производство лавсана и других последних чудес химии приходилось обращаться к ним, а не к Вальтеру Ульбрихту.

25 января 1963 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР Постановлением «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой» открыто встали на сторону Лысенко, провозгласили его воззрения «единственно правильными». Это ответ лысенковцев на Постановление от 12 июня 1962 года, легализовавшее исследования школы формальных генетиков и, казалось бы, восстановившее баланс в биологической науке. Его тоже подписал отец. Но не тут-то было, ближайшие помощники, включая ближайшего, стократ проверенного Андрея Степановича Шевченко, убедили отца, что только Лысенко поднимет урожайность пшеницы, увеличит жирность молока и совершит еще немало столь необходимых стране чудес.

Лысенко подтверждал слова «делом», в экспериментальном хозяйстве «Горки Ленинские», куда отец не раз навещался, «демонстрировал» коров-рекордсменок, чудодейственные сорта пшеницы, обещал не сегодня-завтра передать свои наработки в колхозы и совхозы, только бы ему не мешали. Вот ЦК и вмешалось. Возражать Лысенко стало попросту опасно, в тюрьму, как при Сталине, за это бы не посадили, но с работы могли попросить. 17 марта 1963 года вышло еще одно Постановление ЦК КПСС о поддержке лысенковского метода повышения жирности молока.

Неприятно мне обо всем этом писать, но что было, то было.